

Леонид Коган получал максимум 200 долларов за концерт

Вер. Москва. —
1999. — 29 дек. —
с. 5

Его сердце остановилось нежданно рано — в 58 лет — в поезде, на пути к очередному выступлению. Но творцы такого масштаба из жизни не уходят. Об этом напомнили и концерты, посвященные 75-летию неповторимого скрипача. В них приняли участие съехавшиеся из разных стран ученики Леонида Борисовича лауреаты международных конкурсов А. Брусиловский, В. Жук, В. Иголинский и С. Кравченко, внуки — пианистка лауреат международных конкурсов В. Корчинская-Коган и скрипач Д. Коган, а также Московский государственный академический симфонический оркестр под управлением народного артиста России Павла Когана и народный артист СССР В. Третьяков. На вопросы обозревателя «ВМ» отвечает дочь Леонида Борисовича лауреат международных конкурсов пианистка Нина Коган.

Мирра ЯКОВЛЕВА

— Твоя Вика, уже именитая талантливая дочка, впервые выступила за роялем Большого зала консерватории 14-летней. А ты?

— Я — в 16. Мы играли с папой сонаты для скрипки и фортепиано. До этого он меня не подпускал к этой святой для всех музыкантов сцене.

— А как вообще ты получилась фортепианным отклонением в семье, где мама — знаменитая Элизавета Гильельс — скрипачка, папа — великий Леонид Коган, брат Павел тоже прославился скрипачом?

— Вот в пять лет засадили меня за рояль, и все. А я, между прочим, до сих пор скрушаюсь, что овладела не скрипкой. Я обожаю этот инструмент, всем нутром ощущаю его и уве-

реня: скрипачка из меня получилась бы обязательно. Но маме — а она у нас внутренняя пружина всему в семье — виделось другое: с папой на сцене за роялем очень похожая на него дочка. Она призналась в этой идее, конечно, значительно позже, когда я уже что-то умела играть. Папа поначалу и слышать об этом не хотел. И только позже, когда в Центральной музыкальной школе я оказалась в руках Якова Флиера и папа увидел, как преображается мой пианизм, его непреклонная категоричность уступила молчаливому наблюдению за моими шагами в музыке.

— Тебе повезло на учите-

ля...
— Не то слово! Это воистину судьбоносный подарок. Ведь Яков Флиер был не только уникальный пианист. Он был человеком непреходящей молодо-

сти и абсолютного альтруизма. Даже будучи инфарктным больным, лежа на диване, он все равно занимался с нами: слушал, делал замечания. Каждый раз само общение с ним — а мы обычно после занятий приглашались к столу — было праздником.

— Когда же папа «сдался»?

— Мне исполнилось 13 лет, когда летом 67-го года он взял меня с собой в Югославию на традиционный международный фестиваль «Охридское лето». В Москве мы предварительно провели всего две или три репетиции. Он всегда был скончен на это дело, предоставляя мне самой добиваться требуемого результата.

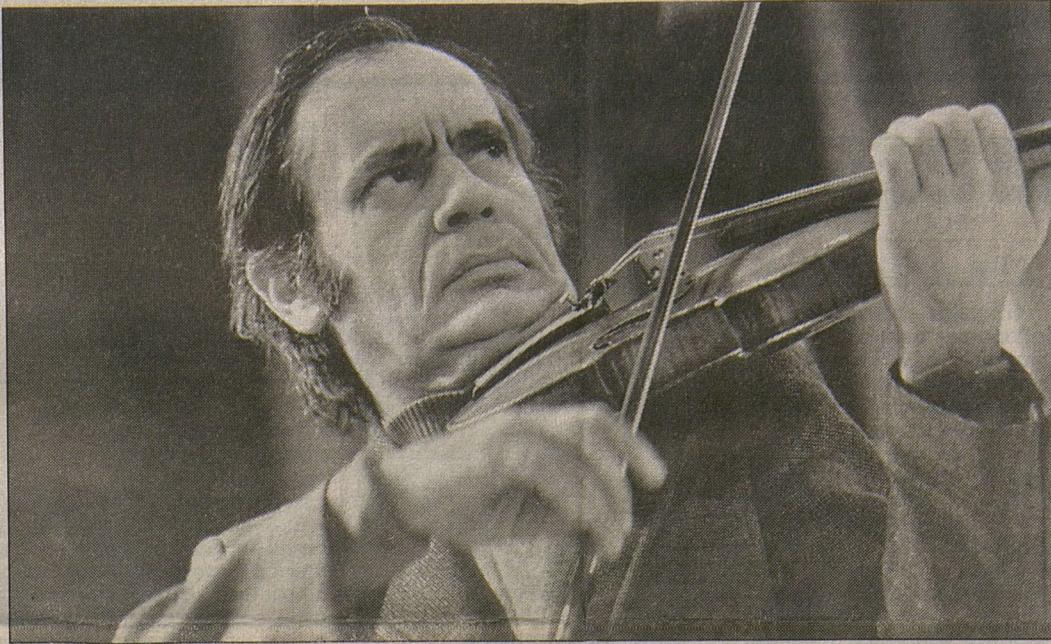
Весь ужас для меня заключался в том, что папа сразу определил мою роль не как аккомпаниатора, а как партнера, ансамбlista, с которым он будет исполнять произведения для скрипки и фортепиано разных композиторов.

— Ничего себе планочка...

— В том-то и дело! Я мучилась, плакала, отчаянно боясь недотянуть до такой роли, прекрасно сознавая несоизмеримость наших уровней. А он — надо знать папин характер — не ведал снисхождения в требовательности к себе и, соответственно, ко мне. Он даже не разрешал мне делать в нотах важные для исполнения замечания, говоря: «Это ты должна прочувствовать, пропустить через сознание и душу. Тогда само собой не забудется».

Кстати говоря, та первая наша поездка на фестиваль запомнилась тем, что именно тогда произошла очень важная для меня психологическая ломка. Предварительно мы отправились в Турцию,

ИТАР-ТАСС

где мне предстояло играть в концерте с уже известным учеником Нейгауза пианистом Наумом Вальтером. Он с умилением и поддержкой помогал мне готовиться к выступлению, не подозревая, какой подвох его ждет. Я осилила только одно отделение... Сдержаненный по характеру папа отреагировал полным молчанием. По приезде на фестиваль он сразу включился в мастер-классы, а я оказалась предоставленной самой себе. Красота вокруг неописуемая — манящее море, цветы, толпы расслабленных людей... Мне же предстоит испытание, решающий экзамен, а заниматься практически негде. Но в меня будто бес вселился. Облюбовав небольшой ресторанчик, я, не обращая внимания на его посетителей, оседлала свободный инструмент и часами repetировала.

Концерт прошел «на ура!», но долго не отпускали. И с этого момента ко мне пришла недоставшая для работы уверенность. Концерт прошел «на ура!», но долго не отпускали. И с этого момента ко мне пришла недоставшая для работы уверенность.

— Папа не подавлял тебя авторитетом?

— Абсолютно нет. Он вызывал только невероятную ответственность. Между нами была особая внутренняя связь, тут, вероятно, играли роль самые разные факторы: и внешняя похожесть, и общность профессиональных задач, впечатлений, переживаемых эмоций в гастрольных поездках, и мои семейно-женские заботы о нем в бытовом плане.

— Вы работали вместе почти 16 лет, выступали на самых престижных сценах. Что сегодня особенно остро встает в памяти?

— Так с ходу?.. Незабываемо, конечно, безумное волнение нашего первого концерта в нью-

йоркском «Карнеги-холле» в 74-м году. Ощущение себя муравьишкой в этом огромном многоярусном зале, куда съехались важные персоны, широкораздетая незнакомая публика... Слава богу, прошло все триумфально. Папа молча гордился мною.

Еще врезалось, как он в Испании на каком-то приеме отказался пожать протянутую Скорчене руку. Ни генеральские регалии, ни мировая известность разведчика не заслонили перед папой фашистскую сущность этой действительно незаурядной личности.

— Какие черты Леонида Борисовича тебе особенно импонировали?

— Скромность, целеустремленность и заразительная веселость — в компании он быстро становился центром общения.

У нас были вечные расхождения по поводу моих концертных туалетов. Маме, естественно, хотелось видеть меня более эффектной. Папа же был противником всяческих фривольностей. Когда в декабре 82-го года его попросили выступить на празднике 50-летия ЦМШ и я надела модную тогда джинсовую юбку, он сказал: «Я с тобой в таком виде не пойду».

— Однако при покупке машины он остановил выбор на нечасто встречавшемся в те годы белом «Мерседесе».

— Ну, автомобили вообще были его страстью, увлечением. Он мог часами возиться с автомобилем, что-то исправлять своими руками в нем. Он накупал себе самые современные инструменты. А на белом «Мерседесе», кстати говоря, ездил редко, предпочитая в быту более скромную, деловую машину.

— Ваша концертная деятельность солидно оплачивалась. И ты довольно рано начала самостоятельно зарабатывать.

— В ту пору каждый артист Госконцерта имел определенную ставку. Я свою первую получила будучи 15-летней. Папе же кроме ставки полагалась еще надбавка. А что касается солидной оплаты... С концерта мировой знаменитости за рубежом, за который импресарио имел 5—8—10 тысяч долларов, Леонид Коган получал максимум 200 долларов, позже на очень короткое время этот горор удвоился.

Так было положено государством, роптать никто не смел, и я помню, как привозила в наше посольство заработанную в турне солидную сумму, из которой мне и другим сотрудникам выдавалась зарплата, а оставшееся поступало в карман государства.

В 70-е годы, когда после одержанных побед на международных конкурсах и Павел, и я тоже начали выступать с самостоятельными сольными концертами, нам всем, в том числе и папе, неожиданно под разными предлогами вообще закрыли выезд за рубеж. Не знаю, чем это было продиктовано. Никто из нас, воспитанных советским строем, не собирался никогда оставаться за рубежом. Мы не мыслили свою жизнь без России. И этот запрет, который сейчас кажется дикостью, тяжело переживался как высшая несправедливость.

— Он, возможно, тоже сыграл роковую роль в преждевременной смерти Леонида Борисовича?

— Думаю, да.